

Евгений Федоров

ЕРМАК

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ф 33

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Федоров Е.

Ф 33 Ермак : роман / Евгений Федоров. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 896 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-32149-6

Евгений Александрович Федоров (1897–1961) — автор знаменитой трилогии «Каменный Пояс» и других исторических романов, повестей и рассказов об истории России. Читатели нескольких поколений ценят эти книги за увлекательный сюжет, достоверность фактов, образный язык и запоминающихся персонажей — сильных и смелых людей, преданных Родине.

Действие романа «Ермак» происходит в середине XVI века, во времена правления Ивана Грозного. Атаман Ермак Тимофеевич с отрядом из пятисот казаков перешел Уральские горы и направился в Сибирь, во владения непокорного хана Кучума. Этот поход, положивший начало присоединению и освоению Сибири, вдохновлял многих поэтов, писателей и художников и был воспет в народных сказаниях, а Ермак стал национальным героем.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Е. А. Федоров (наследник), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-32149-6

Бывали и в других землях товарищи, но таких,
как в Русской земле, не было таких товарищей.

Н. В. Гоголь

ОТ АВТОРА

Через всю мою жизнь, от раннего детства и до седины, прошел яркий, немеркнувший образ Ермака. В страшные вьюжистые ночи я малым ребенком сидел на горячей печке, а бабушка Дарья — старуха с добрым лицом и ласковыми глазами — при неверном свете лучины пряла допоздна пряжу и тихим голосом напевала мне былинку об уда-лом казаке Ермаке Тимофеевиче, величая его родным братом славного русского богатыря Ильи Муромца. От нее, своей милой бабушки, я впервые также слышал легенду-сказку, которой я больше никогда не слыхивал и не встречал в печати. В этой легенде-сказке отразилось стародавнее народное поверье, что через триста лет Ермак Тимофеевич снова явится на Волгу-матушку, завернет на старый казачий Яик, — и ох горько тогда станет господам и начальству всякому!

Позднее, отроком, живя в станице Магнитной, я слушал удалецкие песни уральских казаков. Они почти каждый вечер собирались на луговинку, под старый тенистый вяз, который рос подле дедовской хибары. Много песен запомнилось с той поры, но одна из них особенно взволновала меня. Стоя в кругу бородатых станичников, исполнил Силантий, высокий, могучий казак с широкой, как плита, спиной и такой грудью, что, казалось, на нее набиты обручи, громовым, никогда не слыханным в станице басом заводил: «Р-ревела бур-ря, дождь шумел...» Кто теперь не знает в нашей стране этой песни о Ермаке? Такой человек сейчас редкость. В ту пору, в исполнении богатыря Силантия, она потрясала мое юное воображение. И еще сильнее полюбил я эту песню, когда узнал позднее, что написал ее поэт-декабрист Кондратий Рылеев. А еще позднее я убедился, что не случайно моя милая старушка-сказочница помнила о Ермаке. Довелось мне много покружить по Уралу, и, куда ни повернись, многое связано здесь с его именем. До сих пор вы услышите на Урале: Ермаков камень, нависший над Чусовой, Ермакова пещера, Ермаковы хутора на Сылве, Ермакове городище на мысу у Серебрянки, Ермаков перебор на Чусовой, Ер-

маковка-речка, приток Чусовой, Ермаков родник, Ермакова заводь в устье Вагая, где погиб прославленный полководец. Вот в глухом лесу, на горном перевале, уходящая вдаль просека. Когда и кто повалил тут вековые сосны? Заводские старики на это отвечали: «Ермак здесь прошел. Ермаковы просеки тут по лесам».

Мои деды век провековали на Урале и много рассказывали о Ермаке, сами того не подозревая, что зажигают страсть любознательности в моей душе. В годы Гражданской войны, будучи командиром эскадрона полка имени Степана Разина, в знаменитой чапаевской дивизии, я услышал, как легендарный теперь полководец Василий Иванович в самые трудные минуты боевой страды пел «Ермака». И спустя годы мне довелось увидеть игру народного артиста Бабочкина, увидеть и услышать из уст Чапаева эту песню...

Лет тридцать тому назад пришлось мне вместе с дорожным инженером Василенко, весьма приятным собеседником, объехать по долгу службы весь Урал. Мой спутник так увлек меня рассказами, что оба мы вместе — он в ту пору старый, а я еще молодой инженер — проехали, прошли и проплыли в лодке по ермаковскому пути в Сибирь.

Долго в раздумье я стоял на Искерском холме, на котором когда-то высилось грозное городище сибирского хана Кучума, и глядел на то, как буйное половодье постепенно подмывает этот холм и целые глыбы земли рушатся с плеском в Иртыш. От него осталось уже очень мало. Пройдет полвека, столетие — и на месте Искера забушует Иртыш.

Но вот что самое замечательное: совсем в недавние годы казаки-фронтовики из станицы Федосеевской Подтелковского района Ростовской области, товарищи В. Н. Галкин и П. И. Усенков рассказывали, что песня о Ермаке «На речке было на Камышинке» была одной из любимейших песен, с которыми они прошли весь боевой путь от Сталинграда до Берлина...

Прошло без малого четыре века от дней покорения Сибири, а образ Ермака жив, не тускнеет, сердечен и любим всем нашим народом. Почему так случилось? Ермак — смелый, вольнолюбивый патриот и отменно храбрый воин, широкая русская натура, богатырь и честный русский человек. Черты эти и сделали его образ близким и дорогим нашему народу.

Много довелось мне наслышаться о Ермаке, долгие годы рыться в архивах, изучать разные источники, и наконец созрело сильное, непреодолимое желание — показать Ермака таким, каким он живет и сейчас в поэтической душе нашего любознательного человека. Сохранив историческую правду в основе, я передал дополнительно то, что воспитали во мне и в чем убедили меня простые русские люди.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ДОНСКАЯ ВОЛЬНИЦА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

За тульскими засеками, за порубежными рязанскими городками-острожками простиралось безграничное Дикое Поле. На юг до Азовского моря и Каспия, между низовьями Днестра и Волги, от каменных гряд Запорожья и до дебрей прикубанских раскинулись не тронутые рукой человека ковыльные степи. Ни городов, ни сел, ни пашен — маячат в синем жарком мареве только одинокие высокие курганы да безглазые каменные бабы на них. Кружат над привольем с клетотом орлы, по голубому небу плывут серебристые облака. По равнине гуляет ветер и зеленой волной клонит травы.

В этих пустынных просторах бродили отдельные татарские и ногайские орды, изредка проходили купеческие караваны, пробираясь к торговым городам. А на Дону и при Днестре глубоко пустили крепкий корень казаки. Жили и умирали они среди бесконечных военных тревог, бились с крымскими татарами, турками и всякой поганью, пробиравшейся грабить Русь.

По верхнему Дону, Медведице, Бузулуку и их притокам шумели густые и тенистые леса. Водились в них медведи, волки, лисы, туры, олени и дикие козы. В прохладных голубых водах рек нерестовали аршинные стерляди, саженные осетры и другая ценная красная рыба.

Сюда, на Дон, на широкое и дикое поле бежали с Руси смелые и мужественные люди. Уходили холопы от жестокого боярина, бежали крестьяне, оставив свои дома и «жеребья» «впусте», убяясь страшных побоев и истязаний, спасаясь от хлебного неурода и голода. Немало было утеклецов с каторги, из остро-

гов, из тюрем, — уносили беглые свои «животы» от пыточного застенка.

Тяжело жилось русским людям при царе Иване Васильевиче Грозном. Не любили бояре, дьяки и приказные правдивого слова. За него простолоудину можно было поплатиться жизнью. Все, кому невыносим стал гнет, кому хотелось воли, уходили туда, где требовались только удалая голова да верность своей клятве. Каждую весну и лето пробиралась бродячая Русь в низовые донские городки и казачьи станицы. Шли на Дон, минуя засеки, острожки, воинские дозоры, пробирались целиной, без дорог, разутые и раздетые, подпираясь дубинами да кольями. Путь-дорога была безопасна только ночью, а днем хоронились от разъездов служилых казаков в лесных трупобах, диких степных балках и водо-роинах.

Миновав все преграды, беглые селились вместе с казаками и так же, как они, крепких домов не строили, землю почти не пахали, хлеба сеяли мало, а больше жили добычей, которую брали в бою у татар и турок. Добывали они себе в лихих схватках, оберегая русские рубежи, и коней, и доброе оружие, и шелка, и камни-самоцветы, и золото. А были и такие, которые шли ради мести на крымского татарина: у того наездники-ордынцы увели в Дикое Поле мать или невесту, у другого убили отца или брата. И они шли выручать пленных, а если не стало их, пролить кровь насильника или, в свою очередь, захватить невольника-ясыря...

В теплую летнюю ночь над Доном у костра сидели четыре станичника, оберегая табуны от ногайских воров. Кругом — непроглядная сине-черная тьма, над головой — густо усыпанное яркими звездами небо. Под кручами текла невидимая река. Со степи тянуло запахом цветущих трав, подувал ветерок. В глубокой тишине уснувшей степи не слышалось ни звука. Но вот, нарушая ночной покой, в черной мгле послышался дробный топот коня.

— Невесть кто скачет! — нахмурился низенький, проворный мальй с цыганской бородкой и, схватив ложку, зачерпнул и попробовал ухи. — Ох, братцы, до чего ж вкусна!..

Казаки не слушали его, насторожились. Топот все ближе, все чаще.

Широкоплечий высокий казак Полетай вскочил, потянулся, расправил руки. Кулачища у него по пуду.

— И куда прет, нечистая сила! Табун напугает, леший! — Он прислушался. — Нет, не ногаец это скачет, тот змеей проползет; по всему чую, наш россейский торопится...

Только сказал, и в озаренный круг въехал коренастый всадник на резвом коньке. Полетай быстро оценил бегунка: «Огонь! Вынослив — степных кровей скакун!»

Приезжий соскочил с коня, бросил поводья и подошел к огню.

— Мир на стану! Здорово, соколики! — учтиво поклонился он станичникам.

Черноглазый малый, с серьгой в ухе, схватил сук и по-хозяйски поворочил в костре. Золотыми пчелками взметнулись искры, вспыхнуло пламя и осветило незнакомца с ног до головы.

«Молодец Брязга!» — одобрил догадку товарища Полетай и стал разглядывать незваного гостя. Был тот широкоплеч, коренаст, глаза жгучие, мягкая темная бородка в кольцах. На вид приезжему выходило лет тридцать с небольшим. Держался он независимо, смело.

— Здорово, соколики! — приятным голосом повторил незнакомец.

— Коли ты русский человек и с добром пожаловал, милости просим! — ответили сидящие у костра, все еще удивленные появлением гостя.

— Перекреститься, не лихой человек. Дону кланяюсь! — Незнакомец скинул шапку и снова поклонился.

Заметил Полетай, что у прибывшего густые темные кудри. «Ишь, леший, красив мужик!» — похвалил он мысленно и позвал:

— Коли так, садись к вареву, товарищ будешь!

— Спасибо на привете! — ответил гость и сел рядом со станичниками. С минуту помолчали, настороженно разглядывая друг друга. Озаренное теплым светом лицо полуночника было приятно, мужественно.

— Из какого же ты царства-государства? — весело спросил его Брязга и прищурил лукавые глаза.

— Из тридесятого царства, от царя Балабона, из деревни Не Переведись Горе! — загадкой ответил гость.

— Издалече прискакал, родимый! — усмехнулся Полетай, оценив умение незнакомца держать тайну про себя.

— Ну а ты откуда? — обратился приезжий к Брязге.

Казак тряхнул серебряной серьгой и отозвался весело:

— А я из-под дуба, из-под вяза, с донского лягушачьего царства!

— Ага! — добродушно улыбнулся гость. — Выходит, это близко отसेлева. Хорошо! Много недель скакал, а все же достиг вольного края.

— Да кто же ты? — продолжал допрашивать Брязга.

Приезжий весело засмеялся — сверкнули ровные белые зубы.

— Не боярин я и не ярыжка, не вор-ворующий, не целовальник и не бабий охальник! — шутливо ответил он. — Бурлаком жил, «гусаком» в ляжке ходил, прошел по волжскому да по камскому бечевникам, все тальники да кусты облазил, в семи водах купался. Довелось и воином быть, врага-супостата насмерть бить, а каких кровей — объявлюсь: под сохой рожен, под телегой повит, под бороной дождем крещен, а помазан помазком со сковороды. Эвось какого я роду-племени!

— Вот видишь, я сразу стадал! — также шутливо отозвался Брязга. — По речам твоим узнал, что ты по тетке Татьяне наш двоюродный Яков.

— Ага, самая что ни на есть близкая родня вам! — засмеялся гость, а за ним загрохотали казаки.

Только пожилой, диковатого вида казак Степан строго посмотрел на гостя.

— Погоди в родню к станичникам лезть! Не с казаками тебе тягаться, жидок сермяжник! — вызывающе сказал он.

— Э, соколик, сермяжники Русь хлебом кормят, соль у Строганова добывают! — добродушно ответил наезжий. — Эх, казак, не хвались силой прежде времени!

— А я и не хвалюсь! — поднимаясь от костра, усмехнулся Степан. — Коли смелым назвался, попытай нашу силу! — Он вызывающе разглядывал беглого.

Никто не вмешался во внезапно вспыхнувшую перепалку. Интересно было, как поведет себя гость. Степан, обутый в тяжелые подкованные сапоги, в длинной расстегнутой рубаше, надвигался на приезжего. Решительный вид казака не испугал молодца. Он проворно скинул кафтан, отбросил пояс с ножом и сказал станичнику:

— Ну что ж, раз так, попытаем казачьего духа!

Степанка орлом налетел на молодца. Наезжий устоял и жилистыми руками проворно облапил противника.

— Поостерегись, казак! — деловито предупредил он.

Брязга вьюном завертелся подле противников. Он загорелся весь и со страстью выкрикивал Степану:

— Левшой напри, левшой! Кольхни круче! Э-эх, проморгал...

Молодец мертвой хваткой прижал Степанку к груди, и не успел тот и охнуть, как лежал уже на земле.

— Во-от это да-а! — в удивлении раскрыл рот Полетай. — Враз положил, а Степанка у нас не последний станичник.

Разглаживая золотистые усы, Полетай обошел вокруг гостя.

— Как звать? — строго спросил он победителя.

— Звали Ермилом, Ермишкой, а на Волге-реке больше кликали Ермаком! — отозвался наезжий и полой рубахи вытер пот.

— Ермак — артельное имя! — одобрил казак. — Ну, сокол, не обижайся, раз так вышло, придется и мне с тобой потягаться за станичную честь.

— Коль обычай таков, попытай! — ровно ответил Ермак.

Брязга бесом вертелся, не мог уgomониться; потирая руки, он подзадоривал бойцов.

— Ты не бойся, не пугайся, Петро, не убьет Ермишка! — подбадривал он Полетая. — Только гляди, не ровен час, полетишь на небо... Эх, сошлись! Эх, схватились!

Казак стал против Ермака, и оба, разглядывая друг друга, примерялись силами.

— Давай, что ли? — сказал Полетай и схватился с противником. Станичник напруг все силы, чтобы с маху грянуть смельчака на землю, но тот, словно клещами, стиснул его и поднял на воздух.

— Клади бережно, чтобы дух, часом, не вышибить! — со смехом закричал Брязга.

Но Полетай оказался добрым дубком — как ни клонило его к земле, а все на ноги становился.

— Вот эт-та леш-ш-ий! — похвалил Полетая Степанка. — Крепкий казачий корень! Не вывернешь!

— Посмотрим! — отозвался Ермак и, с силой рванув станичника, положил его на спину.

— Ого, вот бесов сын! — пронеслось удивленно меж казаками. — Такой и впрямь гош в товариство.

Побежденный встал, отряхнулся и незлобиво подошел к Ермаку.

— Ну, сокол, давай поцелуемся! Люблю таких! — Он обнял победителя и похвалил: — Ровни меж нами тебе нет.

— Пстой, станичники, погоди, если так, — всем скопом на вожжах потягаться! — предложил Брязга.

— Давай! — вмешался до сих пор упорно молчавший казак Дударёк, маленький, но жилистый и хороший наездник. — Любо, братья, потягаться с таким молодцом.

— Любо, ой любо! — закричали казаки, и Брязга проворно достал ременные вожжи.

— А ну, станичники, действуй! — протянул он концы Ермаку и Полетаю. За казаком уцепились еще трое. Изготовились, крепко уперлись ногами в землю.

— Дружно, братья, дружно! — закричал призывно Дударёк. — Не стянуть нас супостату с донской степи, со приволья! — И он затянул широким плавным голосом:

Да вздунай-най ду-на-на, взду-най Дунай!

Ермак перекинул ременные вожжи через плечо и в ответ крикнул:

— Раз, два, зачинай. Тащи, вытаскивай! — Подзадоривая, он изо всех сил натужился. На его загорелом лбу вздулись синие жилки, выступил пот. Минуту-другую ременные вожжи дрожали, как струна. Все притихли.

— Врешь, животов твоих не хватит! — сердито выкрикнул Степанка.

По степи пробежал ветерок, вздул пламя костра, стало светлее. И Полетай заметил, как его ноги, обутые в мягкие кожаные ичиги, медленно-медленно поползли вперед.

— Стой, стой, ты куда же, леший! — заорал Брязга и тоже, вслед за товарищем, заскользил вперед. — Эхх!..

Ермак всем телом навалился на вожжи и рванул с такой силой, что двое, взрывая ногами землю, потянулись за ним, а Дударёк и Степанка с гогом упали.

— Оборони, господи, глядите, добрые станичники, экова мерины родила мать!

— Ну, сокол, потешил! Твоя сила взяла! — сконфуженно сказал Полетай. — Сворачивай в нашу станицу: с таким и на татар,

и на ногаев, и на турок, и на край света не страшно идти! Айда, садись к тагану, да ложку ему живей, браты!

И в самом деле, приспела пора хлебать уху: она булькала, кипела в большом чугунном казане и переливалась через край на раскаленные угли.

Ермак расседлал коня, снял и сложил переметные сумы, умылся и уселся в казачий круг.

Влажный и знобкий холодок — предвестник утра — потянул с Дона. Тысячи разнообразных звуков внезапно рождались среди тишины в кустах, камышах, на воде: то утка сонная крикнет, то зверюшка пропищит, то в табуне жеребец заржет, то внезапно треснет полешко в костре и, взметнув к небу искры, снова горит ровным пламенем.

Усердно хлебали уху из общего котла. Брязга поднял голову и внимательно поглядел на семизвездье Большой Медведицы.

— Поди уж за полночь, пора спать! — лениво сказал он, отложив ложку.

— И то пора, — согласился Степанка и предложил Ермаку: — Ты ложись у огнища, а завтра ко мне в курень жалуй!

Почувствовал Ермак, что станичник поверил ему.

Улеглись у костра, который, как огненный куст, покачиваясь от ветерка, озарял окрестность. Приятно попахивало дымком. Ласковым покоем и умиротворением дышала степь. Ермак растянулся на ворохе свежей травы и смотрел в глубину звездного неба. Беспокойные думы постепенно овладели им. Вот он добрался-таки до вольного края и сейчас лежит среди незнакомых людей. И куда только занесет его судьба? Пустит ли он корни на новом месте, на славном Дону, среди казачества, или его, как сухой быльняк, перекасти-поле, понесет невесть куда, на край света, и сгинет он в злую непогоду?

Долго лежал он, не смыкая глаз. Над Доном уже заколебался сизый туман и на землю упала густая роса, когда он, подложив под голову седло, крепко уснул.

Утром, на золотой заре, казак Степанка повел гостя в свой курень. Пришлый шел молчаливо, с любопытством поглядывая кругом, за ним брел оседланный послушный конь его с приторо-

ченными переметными сумами. Минули осыпавшийся земляной вал, оставили позади ров, вот высокий плетень, а вдали караульная вышка с кровлей из камыша. По скрипучим доскам ходит часовой. По сторонам разбросанные в зелени избенки да землянки, как сурковые норы. Ермак вздохнул и подумал: «Эх, живут легко, просто, не держатся за землю!»

Пересекли густые заросли полыни, а станицы, какой ее желал увидеть Ермак, все не было.

— Где же она? — спросил он.

Казак улыбнулся и обвел рукой кругом:

— Да вот же она — станица Качалинская. Гляди!

Из бурьянов поднимались сизые струйки дымок, доносился глухой гомон.

— В землянухах живем. Для чего дома? Казаку лишь бы добрый конь, острая сабелька да степь широкая, ковыльная, — вот и все!

Степан свернул вправо; в зеленой чаще старых осокорей — калитка, за ней вросшая в землю избушка.

— Вот и курень! — гостеприимно оповестил хозяин.

Ермак поднял глаза: под солнцем, у цветущей яблоньки, стояла девушка, смуглая, тонкая, с горячим румянцем на щеках, и пристально глядела на него. Гость увидел черные знойные глаза, и внезапное волнение овладело им.

— Кто это у тебя: дочь или женка? — пересохшим голосом спросил он казака.

Степан потемнел, скинул баранью шапку, и на лбу у него обозначился глубокий шрам от турецкого ятагана. Показывая на багровый рубец, волнуясь, сказал:

— Из-за нее помечен. В бою добыл ясырку. А кто она — дочь или женка, и сам не знаю. — Много тоски и горечи прозвучало в его голосе.

Ермак сдержанно улыбнулся и спросил:

— Как же ты не знаешь, кто она тебе? Не пойму!

Если бы гость не отошел в сторону и не занялся конем и укладками, то увидел бы, как диковато переглянулись Степан и девка и как станичник заволновался.

Не смея поднять глаза на девку, Ермак спросил ее имя. Стройная, упругой походкой она прошла по избе и не отозвалась, за нее ответил Степан:

— Уляшей звать. Как звали ранее — былъем поросло. Взял двоих: татарку Сулиму и девку. Везла басурманка черноволосую в Кафу, к турецкому паше. Эх, что и говорить...

Гость украдкой взглянул на ясырку. Девушка была хороша. Бронзовая шея точеная, и сама гибка, как лоза, а губы красные и жадные. Опять встретился с нею взглядом и не мог отвести глаз. Сидел, словно оглушенный, и голос Степана доносился до него, как затихающий звон:

— Уходили мы к морю пошарпать татарские да ногайские улусы. Трудный был путь. Кровью мы, станичники, добывали каждый глоток воды в скрытых колодцах, на перепутьях били турок. И вот на берегу, где шумели набегавшие волны да кричали чайки, у камышей настигли янычар — везли Сулейману дар от крымского Гирея. Грудь с грудью бились, порубали янычар, и наших легло немало. Стали дуван дуванить, и выпала мне старая ясырка Сулима да девушка, по обличью цыганка. Суций волчонок, искусала всего, пока на коня посадил... Одинок я был, а тут привез в курень сразу двух. Только Сулима недолго прожила, сгасла, как свеча, и оставила мне сироту — горе мое...

Степан смолк, опустил на грудь заметно поседевшую голову.

— Чем же она тебе в напасть? — спросил Ермак.

— Да взгляни на меня. Кто я? Старик, утекла моя жизнь, как вода на Дону, укатали сивку крутые горы...

Тут Уляша тихо подошла к старому казаку, склонилась к нему на плечо и тонкой смуглой рукой огладила его нечесанные волосы:

— Тату, не сказывай так. Никуда я не уйду от тебя. Жаль, ой жаль тебя! — На глазах ее сверкнули слезы.

«Что за наваждение, никак она опять глядит на меня?» — подумал Ермак. И в самом деле, смуглянка не сводила блестящих глаз с приезжего, а сама все теснее прижималась к плечу Степана, разглаживая его вихрастые волосы.

— Добрый ты мой! Тату ты мой, и мати моя, и братику и сестрица — все ты мне! — ласкала она казака.

Сидел Ермак расслабленный и под ее тайным взором чувствовал себя нехорошо, нечестно...

Оставался он в курене Степана неделю.

Станичник сказал ему:

— Ну, Ермак, бери, коли есть что, идем до атамана! Надо свой курень ладить, а без атамановой воли — не смей!

Гость порылся в переметной суме, добыл заветный узелок и ответил Степану:

— Веди!

Привел его станичник к доброй рубленой избе с высоким крыльцом.

— Атаманов двор? — спросил Ермак и смело шагнул на тесовые ступеньки. Распахнул двери.

В светлой горнице на скамье, крытой ковром, сидел станичный атаман Андрей Бзыга. Толст, пузат, словно турсук, налитый салом. Наглыми глазами он уставился на дружков.

— Кого привел? — хрипло, с одышкой спросил атаман.

— Рассейский бедун Дону поклониться прибыл, в станицу захотел попасть, — с поклоном пояснил Степан и взглянул на дружка.

Ермак развязал узелок, вынул кусок алого бархата, развернув, взмахнул им — красным полымем озарилась горница.

«Хорош бархат! — про себя одобрил Бзыга и перевел взор на прибылого. — Видный, кудрявый и ухваткой взял», — по душе пришелся атаману. Переведа взор на рытый малиновый бархат¹, Бзыга снисходительно сказал Ермаку:

— Что же, позволяю. Строй свой курень на Донской земле. А ты, Степка, на майдан его приведи!

Вышли из светлого дома, поугрюмел Ермак. Удивился он толщине и лихоимству Бзыги.

— Ишь, насосался как! Хорошее же на Дону братство! — с насмешкой вымолвил он. На это Степанка хмуро ответил:

— Было братство да сплыло. И тут от чужого добра жиреть стали богатеи. — Замолчал казак, и оба, притихшие, вернулись в курень...

Напротив, на бугре над самым Доном, Ермак рыл землянку, песни пел, а Уляша не выходила из головы. Совестно было Ермаку перед товарищем. Степанка хоть и мрачный на вид человек, а отнесся к нему душевно, подарил ему кривую синеватую саблю. Казак торжественно поднес ее к губам и поцеловал булат:

— Целуй и ты, сокол, да клянись в верном товаристве! Меч дарю неоценимый, у турка добыл — индийский хорасан. Век не притупится, рубись от сердца, от души, всю силу вкладывай, чтобы сразить супостата!

¹ *Рытый бархат* — пушистый, пышный бархат (стар.).

— Буду верен лыцарству! — пообещал Ермак и, опустив глаза в землю, подумал: «Ах, Уляша, Уляша, зачем ты между нами становишься?»

3

На ранней заре ушел казак ладить свой курень. Ветер приносил со степи, над которой простерлось глубокое, синее, без единого облачка небо, ароматные запахи трав. Парило. Тишина... И только по черному пыльному шляху скрипела мажара, запряженная волами, — старый чубатый казак возвращался с дальней заимки.

В полдень Ермак разогнул спину, воткнул заступ в землю. Внезапно перед ним выросла тонкая, вся дышащая зноем Уляша. Она стояла у куста шиповника и, упершись в бока, улыбалась. Сверкали ее ровные белые зубы, а в глазах полыхало угарное пламя. У Ермака занялось, заняло сердце.

— Ты что, зачем пришла? — пересохшими от волнения губами спросил он.

Блеснули черные молодые глаза. Уляша сильно потянулась и, жмурясь, сказала:

— По тебе соскучилась...

Ермак хрипло засмеялся:

— Почто чудишь надо мной?

— Потянуло сюда...

Она перевела дыханье и тихонько засмеялась.

— И воды студеной принесла тебе, казак. Испей! — Уляша нагнулась к терновнику и подняла отпотивший жбан.

Ермак сгреб обеими руками жбан и большими глотками стал жадно пить. От ледяной воды ломило зубы.

Уляша не сводила пристального взгляда с Ермака. Он напился и опять уставился в ее зовущие глаза. Околдовала его полонянка: казак шагнул к ней и, протянув жилистые руки, схватил девуку, прижал к груди. Уляша застонала, затрепетала вся в крепких руках.

— Любый ты мой, желанненький, — зашептала она, — обними покрепче, пора моя пришла!

«А Степанка?» — хотел спросить ее Ермак и не спросил — почувствовал, что уже сорвался в пропасть. «Эх, чему быть, того не миновать!» — мелькнуло у него в голове, и он еще крепче обнял гибкое девичье тело.

Каждый день, пока Ермак строил свой немудрый курень, Уляша прибегала к нему, подолгу сидела и все ласково, с жаром, упрашивала:

— Возьми меня, уведи от Степана: засохну я без любви. Самая пора теперь, гляди, какая весна кругом...

И забыл Ермак все на свете, — на седьмой день увел он Уляшу в свой отстроенный курень, в котором на видном месте, в красном углу, повесил подаренную Степаном булатную саблю.

— Вот и дружбе конец! — печально вымолвил он.

Уляша села на скамью, повела черными горячими глазами и сказала:

— Любовь, желанный мой, краше всего на свете...

Она протянула тонкие руки, и Ермак послушно склонился к ней.

Однако Степанка не порушил дружбу. Печальный и горький он пришел в курень Ермака, поклонился молодым.

— Что поделаешь, — сказал он. — Молодое тянется к молодому. Против этого не поспоришь, казак. Любовь! — Станичник уронил в раздумье голову. — Если крепкая ваша любовь, то и ладно, живите с богом! Вишь вон пора какая! — он показал на степь, на синие воды Дона. — Весна в разгаре, пришел радостный день...

Весна и в самом деле шла веселой хозяйкой по степи, разбрасывая цветень. Ковыль бежал вдаль к горизонту, склоняясь под теплым ветром. Озабоченно хлопотали птицы, а ветлы над рекой радостно шумели мягкой листвою.

Уляша поднялась навстречу Степану, обняла его и поцеловала:

— Спасибо тебе, тату мой родненький, за доброе слово!

На ресницах Степана блеснула слеза: жалко ему было терять полонянку.

— Эх, старость, старость! — сокрушенно вздохнул он. — Кость гнется, волос сивеет... Отшумело, знать, мое дорогое время. Ну, Уляша, твоя жизнь — твоя и дорога! — Он притянул к себе девку и благословил: — На долю, на счастье! Гляди, Ермак, пуще глаза береги ее!

Так и ушел Степанка, унеся с собою печаль и укоры. А Уляша как бы и недовольна осталась мирным расставаньем: не поспорили, не подрались из-за нее казаки. Светла на переносе густые черные брови и, сердито посмотрев вслед Степану, сказала:

— Старый черт! Молиться бы тебе, а не девку миловать...

Петро Полетай, бравый казак с русым чубом, дружок Ермака, вышел к станичной избе и, кидая вверх шапку, закричал зазывно:

— Атаманы-молодцы, станичники, послушайте меня. На басурман поохотиться, зипуны добывать! На майдан, товариство!

На крики сошлись станичники, одни кидали вверх шапки, а другие подзадоривали:

— Любо, казаки, любо! Погладить пора путь-дорожку!

— За нами не станет, — весело откликнулся Полетай, — только кличь атамана, зови есаула, — от прибылого присягу принимать, да в поход за зипунами!

Станицы и не видно, вся потонула в зарослях да в былъняке, а казаков набралось много. Зашумели, загомонили станичники. Ермаку дивно глядеть на бесшабашный и пестро одетый народ: кто в рваном кафтанишке, на ногах скрипят лапти, — совсем рассейский сермяжник, — но сам черт ему не сват — так лихо, набекрень, у него заломлена шапка, на поясе чудо-краса — черкесская булатная сабля, а за спиной тугой саадак¹, а кто — в малиновых бархатных кафтанах и татарских сапожках. Толстый станичник с озорными глазами хлопнул казака в лаптях по плечу:

— Пойдем выпьем, друг!

— А на что пить? — ответил лапотник. — Видишь, сапоги целовальнику пошли!

— А мои на что? — засмеялся толстый и притопнул татарским сапожком, густо расшитым серебром. — Гуляй, казак!

Между тем толпа уже кричала, волновалась, и у всех оружие: и турецкие в золотой оправе ружья, и булатные ножи с черенками из рыбьего зуба, и янычарские ятаганы, и пицали, изукрашенные золотой насечкой, и фузеи, — кто что добыл в бою, тем и богат.

Тут был и поп с лисьей острой мордочкой и мочальной бородашкой. Крупный пот выступил на его темном лице и смуглой лысине. Льстивым голоском он лебезил перед казаками:

— Куда, чада, собрались? В кружало надо бы...

Гул повис над площадью. Ермаку всё внове, занимательно. Он тронул Полетая за локоть и спросил:

— А попик откуда брался? Не ладаном, а хмельным от него несет.

¹ Саадак — лук в чехле и колчан со стрелами.

— Попик наш. Беглый из Рассей. Обличен он в любовном воровстве, чужую попадью с пути-дороги сбил, за то и осудили в монастырь. А сей блудодей соскучился и в бега... Так до нас и добрел... А нам — что поп, что дьякон, одна бадья дегтю...

На крылечке показался атаман Бзыга в бархатном полукафтани, на боку кривая сабелька. Глаза, хитрые, быстрые, обежали толпу.

— Тихо, атаман будет слово молвить! — прокричал кто-то зычно, и сразу все смолкло.

Атаман с булавой в руке прошел на середину круга, за ним важно выступали есаулы. Бзыга низко поклонился казацкому братству, перекрестился, а за ним степенно поклонились есаулы, сначала самому атаману, а потом народу.

— О чем, казаки-молодцы, задумали? Аль в поход идти, аль дело какое приспело? — густой октавой спросил атаман.

— За зипунами дозвошь нам отбыть! Соскучили мы и оскудели!

— Кто просит? — деловито спросил атаман.

— Полусотня, — смело выступил вперед Полетай.

— Что, казаки, пустим молодцов? Любо ли вам потревожить татаришек?

— Любо, ой любо! — в один голос отозвались на площади.

— Быть поиску! — рассудил атаман. — А еще что?

Петро вытолкнул вперед Ермака. Смутившийся, неловкий, переваливаясь, он вошел в круг. Атаман внимательно взглянул на прибылого и окрикнул:

— Что скажешь, рассейский?

— Кланяюсь тихому Дону и доброму товариству, примите в лыцарство! — Ермак низко поклонился казачьему кругу. Стоял он среди вольных людей крепьшом, немного сбычив голову. На нем камчатная красная рубаха и широкие татарские шаровары, сапоги сафьяновые, а на поясе сабелька. Взглянул на нее атаман, признал булатную:

— Побратимом со Степаном стал?

— Другом на всю жизнь! — твердо отозвался Ермак.

— Добро! — похвалил атаман. — Степанка — казак отменный, храбрый! Как, станичники, решим? Любо ли?

— Любо, любо! Только дорожку гладить ему! — закричали озорные казаки.

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФЕДОРОВ

ЕРМАК

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Юлия Теплова, Анна Быстрова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.04.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 54,88. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА», в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-41440-01-R